

Александр Долинин

**ЗАМЕТКИ ДЛЯ ВЕРЫ:
КОММЕНТАРИЙ К ДВУМ СТИХАМ
ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

У любого филолога моего поколения в заглавнике имеются наблюдения, которые не влезают в статьи и книги, но которыми хочется поделиться с понимающими друзьями и коллегами. Два таких наблюдения о французских подтекстах в «Евгении Онегине» я давно хотел показать прекрасной Вере Аркадьевне Мильчиной, знающей французский язык, французскую культуру и литературу намного лучше меня, и теперь пользуюсь ее юбилеем, чтобы это, наконец, сделать.

VI: XXIII, 1. «Так он писал *темно и вяло*»

Известная характеристика элегического стиля Ленского — «темно и вяло» — в тексте «Евгения Онегина» выделена курсивом и, следовательно, является цитатой, чужим словом. Ю.М. Лотман в своем комментарии связал ее с двумя критическими статьями Кюхельбекера, направленными против элегической поэзии, где она была названа «водяной, вялой описательной», а произведения ее приверженцев — «мутными, ничего не определяющими, изнеженными, бесцветными»¹. Сходная направленность негативных оценок, однако, не дает оснований говорить о цитировании: самого словосочетания «темно и вяло» в статьях Кюхельбекера нет, а есть только прилагательное «вялый», которое, в свою очередь, в журнальной публикации было выделено курсивом² и, следовательно, не является авторским.

В.В. Набоков обратил внимание на то, что наречиями «вяло» (пять раз) и «темно» (трижды) Пушкин характеризует некоторые стихи в пометах на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова (XII, 257, 258, 259, 261, 271, 276, 283)³. Согласно новейшей датировке О.А. Проскурина, Пушкин делал эти маргиналии в августе — сентябре

¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 677.

² Кюхельбекер В. Разбор фон-дер-Борговых переводов Русских стихотворений // Сын Отечества. Ч. 103. 1825. № 17. С. 71.

³ Pushkin A. Eugene Onegin. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. Paperback edition in two volumes (Bollingen Series LXXII). II: Commentary and Index. Princeton University Press, 1990. P. 31 (второй пагинации). Все

1823 года в Одессе⁴, то есть за три года до работы над шестой главой «Евгения Онегина», так что выделение курсивом слов из собственного критического лексикона можно было бы, в принципе, считать автоцитатой, адресованной очень узкому кругу посвященных. Но с точки зрения Набокова, «темно и вяло» — это «очевидный галлицизм», хотя, как признался сам писатель, его многолетние поиски французских примеров не увенчались успехом. Лишь в замечаниях Шатобриана к переводу «Потерянного рая» (1836) он обнаружил весьма отдаленную параллель, не имеющую к Пушкину никакого отношения⁵.

Проверить гипотезу Набокова с помощью современных поисковых систем не составляет большого труда. Они показывают, что во французском языке XVII — начала XIX века прилагательные «obscur/e» (темный/ая) и «mou/molle» (вялый/ая), равно как и соответствующие существительные, довольно часто использовались как негативные характеристики поэтических текстов и что литературная критика того времени знала устойчивые выражения «obscur vers» (темные стихи) и «style mou» (вялый стиль). Но при этом вместе они не встречались, а образованные от них наречия использовались редко и, как правило, в других значениях и контекстах. Единственное исключение составляет одна из самых любимых книг зрелого Пушкина — «Опыты» Монтеня. В ней наречие «obscurément» (темно) использовано 5 раз, а «mollement» (вяло) — 15, причем в одном случае оба этих слова образуют такую же пару, как у Пушкина, хотя и в обратном порядке. Обсуждая ограниченные возможности человеческого сознания в эссе «Апология Раймунда Сабундского» («Apologie de Raymond de Sebonde»), Монтень писал:

Ceux qui ont apparié nostre vie à un songe, ont eu de la raison, à l'aventure, plus qu'ils ne pensoient. Quand nous songeons, nostre âme vit, agit, exerce toutes ses facultez, ne plus ne moins que quand elle veille; mais, si plus **mollement et obscurément**, non de tant, certes, que la différence y soit comme de la nuit à une clarté vive; ouy, comme de la nuit à l'umbre: là elle dort, icy elle sommeille; plus et moins, ce sont tousiours ténèbres, et ténèbres cimmeriennes⁶.

цитаты из Пушкина даются по большому академическому собранию с указанием тома и страницы в скобках.

⁴ *Проскурин О.* Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: датировка, функция, роль в литературной эволюции: К постановке проблемы // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 251—283. Важный, хотя и косвенный аргумент в пользу этой датировки см.: *Кац Б.* Одиннадцать вопросов к Пушкину. Маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия. СПб., 2008. С. 32—40.

⁵ *Pushkin A.* Eugene Onegin. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. II: Commentary and Index. P. 31 (второй пагинации).

⁶ *Essais de Michel de Montaigne.* Nouvelle édition P., 1828. T. 2. P. 368—369 (Библиотека Пушкина. С. 292. № 1185).

[буквальный пер.: «Те, кто сравнивал нашу жизнь со сном, были, возможно, более правы, чем они думали. Когда мы спим, наша душа живет, действует, проявляет все свои способности не в большей и не в меньшей мере, чем когда она бодрствует, но более вяло и темно, хотя разница эта подобна различию не между ночью и ясным днем, а между ночью и сумерками: в первом случае душа спит, а во втором более или менее дремлет, но всегда во тьме, в киммерийском мраке»].

Если, вслед за Набоковым, считать пушкинское «темно и вяло» галлицизмом и рассматривать как единую цитату (хотя в прижизненных и последующих изданиях «Евгения Онегина» союз «и» курсивом не выделен), то «вяло и темно» Монтеня оказывается ее единственным возможным французским источником. Разумеется, Монтень ведет речь не о литературе, а о состоянии души во сне, но поскольку определения романтизма как особого — мечтательного, меланхолического, неясного, «темного» — миропонимания были общим местом западноевропейской критики 1820-х годов⁷, между его рассуждением и пушкинской насмешкой над элегией Ленского возникает определенная смысловая связь. Напомню, что в черновом наброске начала статьи «О поэзии классической и романтической» (1825) Пушкин возражал как раз против подобных определений романтизма у французских критиков, которые, по его словам, «относят к романтизму все, что им кажется озаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма» (XI, 36). Переадресуя слова Монтеня элегии Ленского, Пушкин дает ей (и элегической школе в целом) двойную характеристику. С одной стороны, он подчеркивает, что «вялые и темные» стихи подобного рода сочиняются «как бы во сне», в забытии, в экстазе, который после Ницше станут называть дионисийским опьянением. Недаром Ленский читает их «как Дельвиг пьяный на пиру», а затем забывается сном. С другой стороны, элегиям в духе Мильвуа, Ламартина или собственной лицейской лирики Пушкин отказывает в принадлежности к романтизму («Хоть романтизма тут нимало / Не вижу я...»), так как «темнота» и «вялость», по Пушкину, это признаки не собственно романтической, а любой банальной необязательной поэзии.

Другое объяснение курсива было предложено Л.Я. Гинзбург, которая увидела в нем отсылку к шуточному стихотворению Н. Языкова «Мой Апокалипсис» (1825), где поэт, процитировав одну из своих любовных элегий, сам же подверг ее резкой критике:

⁷ Ср., например, во французской рецензии на перевод «Бахчисарайского фонтана»: «...это слово [романтический] ... соединяют со всеми произведениями, ... в которых мысли и изображения оставляют в уме читателя неопределенность и темноту» (Московский телеграф. Ч. 9. 1826. № 17. С. 76). В оригинале: "l'attacher à tous les ouvrages ... don't les idées et les images laissent du vague et de l'obscurité dans l'esprit du lecteur" (Revue encyclopédique. T. XXX. Juin 1826. P. 820).

Как это вяло, даже тёмно,
Слова, противные уму,
Язык поэзии негодной
И жар, негодный ни к чему!⁸

Хотя стихотворение, адресованное М.Н. Дириной и носившее частный характер, при жизни Языкова не публиковалось, он, как замечает Гинзбург, мог читать его Пушкину при встречах в Михайловском или Тригорском в июне 1826 года — именно тогда, когда Пушкин работал над шестой главой «Евгения Онегина»⁹.

В пользу предположения Гинзбург говорит сходство контекстов. В обоих случаях оценочные слова «темно» и «вяло» следуют за цитированием элегии и выражают ироническое отношение к ней. Если при этом учесть, что элегия Ленского в некоторых отношениях есть автопародия, то сходство усиливается. Кроме того, обращают на себя внимание еще две мелкие параллели: у Пушкина Ленский читает свои стихи, полные «любовной чепухи», «в лирическом жару», тогда как Языков называет свою элегию «явной галиматъей» и обнаруживает в ней «жар, негодный ни к чему».

С другой стороны, Языков вовсе не обязательно должен был прочитать Пушкину стихотворение годичной давности, написанное для дерптских знакомых поэта и изобилующее намеками на ведомые только им события. Если Пушкин действительно имел в виду «Мой Апокалипсис», то узнать источник цитаты смогли бы только сам Языков и еще несколько человек, знавших это стихотворение, но не входивших в число тех «посвященных» читателей, которым Пушкин обычно адресовал литературные аллюзии и реминисценции. Малая известность «Моего Апокалипсиса», а также тот факт, что Пушкин уже ранее использовал слова «темно» и «вяло» для оценок поэтических текстов¹⁰, заставляют не исключать совпадение.

Боюсь, что на вопрос «Монтень или Языков?» мы никогда не получим ответа.

VIII: LI, 3—4. «Иных уж нет, а те далече»

«Иных уж нет, а те далече» — известнейшая пушкинская формула, существующая в трех вариантах, многократно становилась предметом

⁸ Языков Н.М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. К.К. Бухмейер. М.; Л., 1964. С. 187.

⁹ Гинзбург Л.Я. Об одном пушкинском курсе // Гинзбург Л.Я. О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 154—156.

¹⁰ Л.Я. Гинзбург отметила это обстоятельство, но датировала пометы на полях «Опытов» Батюшкова 1830 годом, вслед за В.Л. Комаровичем и Б.В. Томашевским (Там же. С. 155).

обсуждения в пушкинистике¹¹. Впервые она появилась в эпиграфе к «Бахчисарайскому фонтану»:

Многие, так же как и я, посещали сей Фонтан; но иных уж нет,
другие странствуют далече.

Сади

Затем, уже без ссылки на персидского поэта Саади, Пушкин переиначил ее в черновике «На холмах Грузии»: «Где вы, бесценные созданья / Иные далеко иных уж в мире нет / Со мной одни воспоминанья» (III, кн. 2, 723). И наконец, в финале «Евгения Онегина» формула, опять с отсылкой к Саади, приобрела чеканную форму: «Но те, которым в дружной встрече / Я строфы первые читал... / Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал».

Многолетние поиски источника формулы привели исследователей к поэме Саади «Бустан» («Плодовый сад», 1257). По просьбе Г.О. Винокура, редактировавшего «Бахчисарайский фонтан» для полного академического собрания сочинений, востоковед К.И. Чайкин нашел в ней соответствующее место и дал его буквальный перевод:

Я услышал, что благородный Джемшид над некоторым источником написал на одном камне: «Над этим источником отдыхало много людей подобных нам. Ушли, как будто мигнули очами, т.е. в мгновение ока»¹².

Как заметил С.М. Бонди, «судя по тому, что “источник” подлинника в пушкинском эпиграфе превратился в “фонтан”, с уверенностью можно полагать, что это изречение стало Пушкину известно из французского перевода, так как по-французски “la fontaine” и значит “источник”»¹³.

Французский перевод-посредник был обнаружен Б.В. Томашевским. Им оказался не сам текст Саади (который до середины XIX века на известные Пушкину языки не переводился), а цитата из него в «Лалле Рук» Томаса Мура, цикле из трех восточных поэм, вставленных в прозаическую раму, — рассказ о путешествии прекрасной кашмирской принцессы Лаллы Рук в Бухару, где она должна стать женой царя. Во время одной из остановок путешественники отдыхают у фонтана,

¹¹ Историю вопроса и обзор литературы см.: Рак В.Д. Саади // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX. СПб., 2004. С. 298—300; Проскурин О.А. [Комментарии к «Бахчисарайскому фонтану»] // Пушкин. Сочинения. Комментарий. Издание под общей редакцией Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Часть I. М., 2007. С. 307—309.

¹² Бонди С.М. Из материалов редакции академического издания Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 2. М.; Л., 1936. С. 468.

¹³ Там же.

на котором, как пишет Мур, «чья-то рука грубо начертала хорошо известные слова из “Сада” Саади». Амадей Пишо, автор французского перевода «Лаллы Рук», который должен был читать Пушкин, передал цитату так:

Plusieurs ont vu, comme moi, cette fontaine: mais ils sont loin et leurs yeux sont fermés à jamais¹⁴.

[буквальный пер.: «Многие видели, как и я, этот фонтан; но они далеко и глаза их закрылись навсегда»].

Изречение в такой форме действительно очень похоже на эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану» и, без всякого сомнения, явилось пушкинским источником. Однако в нем отсутствует риторическое острое формулы — сопоставительная конструкция «одни мертвы / другие отсутствуют», которая не только придала формуле афористичность, но и позволила после декабря 1825 года переосмыслить ее как намек на декабристов, повешенных или отправленных «далече», на каторгу¹⁵. Мы могли бы думать, что Пушкин просто заострил изречение, тем более что он сам гордился «меланхолическим эпиграфом» и говорил, что ценит его выше поэмы (XI, 159; XIII, 70), если б не находка Юрия Иваска, который обнаружил аналогичную конструкцию в стихотворении В.С. Филимонова «Друзьям отдаленным» (1814): «Друзей — иных уж нет, другие в отдаленье»¹⁶. Хотя приятельские отношения Пушкина с Филимоновым установились только во второй половине 1820-х годов, вероятность того, что Пушкин знал «Друзьям отдаленным», весьма велика¹⁷. Таким образом, у нас есть все основания считать пушкинскую формулу контаминацией изречения Саади в переложении Мура/Пишо с удачной строкой Филимонова¹⁸.

¹⁴ Moore Th. *Lalla Roukh ou la princesse mogole, histoire orientale*. Traduit de l'Anglais par le traducteur des œuvres de Lord Byron. P., 1820. Т. I. P. 205. *Томашевский Б.В.* Пушкин. Книга первая: 1813—1824. М.; Л., 1956. С. 506. Ср. в английском оригинале: «Many, like me, have viewed this fountain, but they are gone [они ушли / их нет], and their eyes are closed for ever!» (The Poetical Works of Thomas Moore. Complete in One Volume. P., 1829. P. 23. Библиотека Пушкина. С. 294, № 1189).

¹⁵ См. об этом: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Комментарий. С. 730.

¹⁶ Вестник Европы. Т. 83. 1815. № 18 (сентябрь). С. 88; *Филимонов В.* Проза и стихи. М., 1822. Ч. 2. С. 76. *Иваск Ю.* Философ в дурацком колпаке (Филимонов) // *Опыты*. 1958. № 8. С. 78; *Pushkin A.* Eugene Onegin. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. II: Commentary and Index. P. 245 (второй пагинации).

¹⁷ Аргументацию см. в заметке: *Зубков Н.Н.* О возможных источниках эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану» // *Временник Пушкинской комиссии*, 1978. Л., 1981. С. 111.

¹⁸ Ср.: *Рак В.Д.* Саади. С. 299.

Вопрос, однако, усложняется тем, что конструкция «одни мертвы / другие отсутствуют» встречается не только у Филимонова и Пушкина, но и у других авторов, античных и западноевропейских. Набоков, например, указал на вступление к поэме Байрона «Осада Коринфа», где поэт вспоминает друзей, некогда сопровождавших его в путешествии на Восток:

But some are dead, and some are gone,
 And some are scatter'd and alone
 ...
 And some are in a far countree...¹⁹

[буквальный пер.: «Но некоторые мертвы, некоторые уехали, / Некоторые разбросаны и одиноки / ... А некоторые находятся в далекой стране»].

В.Е. Ветловская нашла античную параллель: фразу из письма Цицерона его другу Луцию Месцинию Руфу, написанного во время гражданской войны в Риме. Отвечая на предложение Луция о встрече, Цицерон отвечал, что и в прежние времена, когда его окружали многие честные и приятные ему люди, не было никого, с кем бы он охотнее проводил время. «Но при нынешних обстоятельствах, — продолжал он, — когда **одни погибли, другие далеко, а третьи изменили своим убеждениям**, я, клянусь богом верности, охотнее проведу один день с тобой, нежели все это время с большинством тех, с кем я живу по необходимости»²⁰.

¹⁹ *Lord Byron. Selected Poems / Ed. with a Preface by Susan J. Wolfson and Peter J. Manning. Harmondsworth, Middlesex, 1996 (Penguin Books). P. 360. Pushkin A. Eugene Onegin. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. II: Commentary and Index. P. 245 (второй пагинации).* Как отметил О.А. Проскурин, эти строки не могли быть известны Пушкину ранее 1830 или 1831 года, так как вступление к «Осаде Коринфа» было впервые напечатано по-английски лишь в 1830 году (в приложении к жизнеописанию Байрона, составленному Томасом Муром), а в корпус поэмы включено еще два года спустя (*Проскурин О.А. [Комментарии к «Бахчисарайскому фонтану»]. С. 309*). В первый французский перевод книги Мура, который Пушкин читал в мае — июне 1830 года (см.: *Долинин А. Пушкин и Англия. М., 2007. С. 31—32, прим. 51*), текст вступления не вошел. В другом ее переводе, вышедшем в 1831 году, соответствующие стихи читались так: «*Mais les uns sont morts, les autres partis. Il y en a qui sont dispersés et solitaires dans ce monde ... Quelques-uns sont dans de lointains pays...*» (*Oeuvres complètes de Lord Byron... Traduction Nouvelle par M. Paulin Paris. T.XI: Lettres de Lord Byron, et Mémoires sur sa vie, par Thomas Moore. P., 1831. P. 46*).

²⁰ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 380. *Ветловская В.Е. «Иных уж нет, а те далече...» // Пушкин:*

К сожалению, Ветловская неверно оценила значение своей находки и предприняла безуспешную попытку доказать, что формула «иных уж нет, а те далече» в «Евгении Онегине» скрывает тайную и политически опасную отсылку именно к сентенции Цицерона²¹. На самом деле исследовательнице удалось обнаружить не скрытый подтекст формулы, а ранний пример «воспоминательного» топоса — то есть, согласно классическому определению Эрнста Роберта Курциуса, повторяющейся «интеллектуальной темы, пригодной для развития и модификации», которая возникает в риторике, но затем, превращаясь в клише, проникает и в другие жанры²². На это указывает, в частности, употребление сходной конструкции в одном из писем Плиния Младшего, где он, вспоминая молодость и своих друзей-адвокатов, замечает: «Quidam ex iis qui tunc egerant, decesserunt; exsulant alii...» (буквальный пер.: «Некоторые из тех, кто выступал в то время, мертвы; другие изгнаны»). Во французском переводе XVIII века, который мог знать Пушкин, фраза приобрела вид знакомой нам формулы: «Les uns sont morts, les autres sont bannis»²³.

Неудивительно, что следы топоса, освященного именами Цицерона и Плиния Младшего, обнаруживаются во французской литературе XVII—XVIII веков. Так, побежденный римлянами Митридат, герой одноименной трагедии Расина (1673), говорит о своих соратниках: «Les uns sont morts; la fuite a sauvé tout le reste»²⁴ (акт II, сц. 3; буквальный пер.: «Одни мертвы, бегство спасло остальных»).

Кажется, мы можем точно указать и французский текст, от которого отталкивался Филимонов в «Друзьям отдаленным». Главным источником стихотворения, судя по всему, явился пассаж в последнем абзаце травелога «Путешествие на остров Маврикий, остров Бурбон,

Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 116—117. Ср. начало фразы в оригинале и французском переводе *en regard* 1821 года: «hoc vero tempore, quum alii interierint, alii absint, alii mutati voluntate sint...»; «mais à présent, que les uns sont morts, les autres absents, et que d'autres enfin ont changé d'inclination...» (Oeuvres complètes de M. T. Cicéron, traduites en français, avec le texte en regard. Édition publiée par Jos.-Vict. Le Clerc... P., 1821. Т. XV. P. 438, 440; 439, 441).

²¹ Некоторые возражения против идей Ветловской см. в статье: Нольман М.Л. Саади или Цицерон? Об одной необоснованной замене // Творчество Пушкина и зарубежный Восток: Сборник статей. М., 1991. С. 219—228.

²² Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. Translated from the German by Willard R. Trask. Princeton University Press, 1990 (Bollingen Series XXXVI). P. 70—71.

²³ Lettres de Pline le Jeune traduites par M. de Sacy. Nouvelle édition, revue et corrigée par Jules Pierrot. P., 1826. Т. I. P. 320—321. Библиотека Пушкина. С. 163, № 627 (соответствующие страницы разрезаны).

²⁴ Oeuvres complètes de J. Racine... Quatrième édition publiée par L. Aimé-Martin. P., 1825. Т. III. P. 37.

мыс Доброй Надежды и др.» (1773) — книги известного писателя-сентименталиста Бернардена де Сен-Пьера, прославившегося впоследствии романом «Поль и Виргиния». Завершая рассказ о своем африканском путешествии, Бернарден пишет о радостях и горестях возвращения домой из дальних странствий:

Heureux qui revoit les lieux où tout fut aimé, où tout parut aimable ... Plus heureux qui ne vous a jamais quitté, toit paternel, asyle saint! Que de voyageurs reviennent sans trouver de retraite! **De leurs amis, les uns sont morts, les autres éloignés**, une famille est dispersée, des protecteurs.... Mais la vie n'est qu'un petit voyage, et l'âge de l'homme un jour rapide²⁵.

[буквальный пер.: «Счастлив тот, кто вернулся в места, где все ему было мило, где все казалось приятным ... Счастливее тот, кто никогда не покидал тебя — отчий кров, святой приют! Сколько путешественников возвращаются, не находя пристанища! Из их друзей, **одни мертвы, другие далеко**, семья рассеяна, покровители... Но жизнь — это лишь короткое путешествие, а срок, нам отпущенный, — быстролетный час»].

Стих Филимонова «Друзей — иных уж нет, другие в отдаленье», как нетрудно заметить, представляет собой почти точную кальку с «De leurs amis, les uns sont morts, les autres éloignés»; кроме того, подобно Бернардenu, поэт говорит о рассеянной семье («Как все вокруг меня переменялось! / Рассеян круг родства...»), а сама тема стихотворения, написанного в Германии (его подзаголовок: «Флотбек, дача близ Альтоны, 20 Мая 1814 года»), — тоска путешественника по родному краю и тем, кто ему мил, — перекликается с рассуждением, завершающим «Путешествие на остров Маврикий». Сам пытавшийся в молодые годы писать сентименталистскую прозу²⁶, Филимонов явно вдохновлялся травелогом Бернардена.

Мы не можем знать, насколько Пушкину была известна предыстория формулы, использованной Филимоновым, да это и не важно. Скрещивая ее с сентенцией Саади в транскрипции Мура/Пишо, он наверняка отдавал себе отчет, что имеет дело с топосом, и хотел «освежить» его. В этом смысле Пушкин, сам того не подозревая, поступал так же, как Байрон, «освеживший» топос во вступлении к «Осаде

²⁵ Voyage à l'isle de France, à l'isle de Bourbon, au Cap de Bonne Espérance, &c. Avec des Observations nouvelles sur la Nature et sur les Hommes, par un officier du Roi. Amsterdam, 1773. Т. 2. P. 237—238.

²⁶ См. его отрывок из романа: Филимонов В. О любви в больших обществах. Письмо от Господина В*** к Графу Д*** // Вестник Европы. Ч. XLVIII. 1809. № 22. С. 111—119.

Коринфа». Что же касается ложной отсылки к Саади в «Евгении Онегине», то ее не следует принимать за чистую монету. Ею Пушкин лукаво отсылал читателя к самому себе или, вернее, к одной из своих литературных масок. Недаром Вяземский, цитируя в 1827 году вторую часть эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану» в «Московском телеграфе» с намеком на декабристов²⁷, предварил цитату словами: «...с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади)...». Наверное, Вяземский понимал, что под маской Саади скрывался сам Пушкин.

²⁷ См. об этом: Гиллельсон М.И. Письмо А.Х. Бенкендорфа к П.А. Вяземскому о «Московском телеграфе» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 3. М.; Л., 1960. С. 423—424.

**РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ
РАЗГОВОРНИК,
ИЛИ / OU
LES CAUSERIES
DU 7 SEPTEMBRE**

Сборник статей в честь
Веры Аркадьевны Мильчиной

Москва
Новое литературное обозрение
2015